

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 16.

Августъ.

Кн. 2.

22 АВГУСТА 1851 ГОДА.

Былъ день... Въ столицѣ православной,
Представъ предъ Господа алтарь,
ТЫ возложилъ вѣнецъ державный
Нашъ Православный ГОСУДАРЬ!

Въ тотъ день, въ веселіи великомъ,
Въ сіяньѣ свѣтломъ торжества,
ТЕБЯ срѣтала громкимъ кликомъ
Первопрестольная Москва.

Молитвы голосъ всенародный
ТЕБЯ напутствовалъ тогда:
ТЫ шелъ, Помазанникъ Господній,
На путь великаго труда.

Тебли года ТВОЕЙ державы,
И четверть вѣка облекло
Вѣнцомъ величія и славы
ТВОЕ высокое чело...

И вновь, въ веселіи великомъ,
Въ сіяньѣ свѣтломъ торжества,
ТЕБЯ срѣтаетъ громкимъ кликомъ
Первопрестольная Москва.

Т Р И Д Н Я

ВЪ АУЛѢ ЮСУФЪ-КАДИ.

Скучны Кавказскія степи весною и лѣтомъ, а еще скучнѣе осенью и зимою. Ни тогда, когда одѣнутся онѣ зеленью и цвѣтами; ни тогда, когда наступитъ теплая пора и сѣнокосное время; ни тогда, какъ колосъ поспѣетъ къ жатвѣ и уборкѣ въ копны: никогда не слышно здѣсь веселыхъ пѣсень, которыми во время полевой работы воодушевляетъ себя сѣверный земледѣлецъ. Не слышать здѣсь тѣхъ пѣсень, какъ не слышать и щебетанья воздушныхъ пернатыхъ, весело порхающихъ въ сѣверныхъ дебряхъ. Вездѣ — небо, трава, да безмолвная тишина, изрѣдка лишь прерываемая дикими звуками свирѣли чобана, да дребезжаньемъ перепела; повсюду—

«Степь, песокъ, да трава,
Небеса, да земля;
Ни ползвукъ кругомъ—
Пустота, тишина;
Только вихрь съ ковылемъ
Пролепечуть порой,
Только ястребъ съ орломъ
Пронесутся стрѣлой....»

Повсюду—степь, песокъ, да трава.... И этотъ край, еще такъ недавно пустынный и дикій, нынѣ населяется дѣятельнымъ многочисленнымъ; еще и теперь переселенцы спѣшать сюда шумными, радостными, безпечными толпами, спѣшать какъ въ обѣтованную землю! У нихъ, какъ и вездѣ, свои домашнія радости, свои удовольствія, свои заботы, свои труды, все-

дневные хлопоты, утраты и печали!... Но тихи и скромны свободные часы горнаго семьянина-земледѣльца; однообразна жизнь его, какъ однообразны и безотвѣтны широкія, подвластные ему степи; самое веселье его — не то русское непритворное веселье, дышащее искренностью, радушіемъ и принужденностью, — нѣтъ, оно какъ солнце, проглядывающее сквозь мрачныя тучи, какъ слезы, облегчающія грудь страдальца!... Впрочемъ, рядомъ съ бытомъ поселенина есть другой бытъ, другая жизнь, несравненно тоскливѣе, пустыннѣе, однообразнѣе первой: это — жизнь кочевыхъ племянъ, окруженныхъ повсюду степями и небомъ. Здѣсь все —

«Стень, песокъ, да трава,

По краямъ — небеса,

По срединѣ — курганъ....»

и ничего болѣе.... Одинокій человѣкъ, случайно заброшенный въ эту пустынную глушь на нѣсколько времени, дичаетъ какъ робкая лань, тоскуетъ какъ дитя безъ рода и племени.... Въ этихъ только мѣстахъ можно вполнѣ сознать и чувствовать всю горечь бездольнаго одиночества!

I.

Во второй половинѣ Іюня 1846 года, осмью верстами южнѣ пограничнаго озера Манычъ, кочевало свободное племя Туркменъ. То былъ аулъ Юсуфъ-Кăди, изъ рода Чоудыръ. Прошла недѣля, какъ снялся онъ съ урочища Бадринъ-Салъ, и расположился длинною полосою по обѣ стороны незначительной рѣчки, протекающей по глубокой балкѣ, простирающейся издалека съ сѣвера на югъ.

Дивная растительность благодатныхъ этихъ мѣстъ, не тротутыхъ плугомъ земледѣльца въ теченіи, быть можетъ, весьма длиннаго ряда вѣковъ, стѣитъ быть воспѣтою въ поэтическихъ пѣсняхъ, слагаемыхъ туземными *бакии*. (*)

(*) *Бакии* — у Ногайцевъ и Туркменъ — пѣвецъ, аккомпанирующій пѣнію своему игрою на *кобуръ* — у однихъ, и на двухъ-струнной *тамдръ* — у другихъ.

Дикая прелесть зеленѣющей степи, обставленной грядами сторожевыхъ кургановъ и сливающейся съ далью синяго горизонта, на долго оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе въ памяти и чувствахъ случайнаго посѣтителя широкой пустыни. Утомленный однообразіемъ глазъ повсюду видитъ только тоску, безотрадную тоску по отчизнѣ!

Ароматенъ и свѣжъ здѣшній воздухъ, воздухъ цвѣтущихъ и тучныхъ степей цѣлины, какъ ароматенъ и свѣжъ воздухъ цвѣтника. Влажность утренней росы и повременно набѣги дождевыхъ тучъ освѣжаютъ жары лѣта, едва сносные безъ этого обновленія, подъ душинымъ войлокомъ тѣсной кибитки. Дыханіе не страдаетъ отъ пыли, какъ страдаетъ оно въ постоянныхъ жилищахъ цивилизованной осѣлости. Человѣкъ и животное покоятся здѣсь на мягкой муравѣ и цвѣтахъ, благоговѣя пустынное приволье кочевой своей жизни.

Быстро растутъ неприхотливыя жилища въ пустынь. Тамъ, гдѣ сего-дня степь, съ помятою травою и ковылемъ, гладкая какъ тихое море, завтра кипитъ уже жизнь многочисленнымъ муравейникомъ, развивается шумнымъ говоромъ словоохотливаго рассказчика, торопливымъ топотомъ коня запоздавашаго собесѣдника. Тамъ, гдѣ еще такъ не давно было только гнѣздо перепела или сайги, теперь курятся огни и жалобно блеютъ смиренныя жертвы котла, или отдыхаетъ стадо громадныхъ верблюдовъ. А черезъ двѣ недѣли — опять та же пустыня....

Было 21 Іюня. Ауль *Юсуфъ-Каді* готовился къ какому-то празднеству, къ какому-то торжеству, занимавшему умы всѣхъ — отъ мала до велика, въ томъ числѣ и самого Каді, пользующагося глубокимъ уваженіемъ своего народа. Торжество это должно было совершиться 23 числа.

Что же это за торжество? Что это за праздникъ, ожидаемый съ такимъ единодушнымъ нетерпѣніемъ? Сколько намъ было извѣстно, это — не свадьба, не какой-нибудь слезливый

При всемъ тождествѣ названія, эти разнородныя *бакши* — другъ отъ друга какъ небо отъ земли!

Курбанъ-Байрамъ; нѣтъ, это долженъ быть веселый, очень веселый праздникъ.... Иначе, къ чему столько безконечныхъ хлопотъ, приготовленій!—Гонцы еще вчера усакали съ приглашеніями по всѣмъ направленіямъ, по всѣмъ ближайшимъ дружелюбнымъ ауламъ—и усакали, какъ видѣлъ всякій, сломая голову. Въ числѣ посланныхъ былъ даже *Көтө*, братъ жены *Чоудырскаго Кәди*. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что это праздникъ не народный, не общій, а частный, домашній праздникъ въ семействѣ *Юсуфа*....

Но вотъ скачетъ дѣвушка лѣтъ десяти-двѣнадцати на маленькой горской лошаdkъ. Лицемъ она прекрасна какъ ангелъ; пышные локоны ея то разстилаются по плечамъ волнами, то играютъ съ вѣтромъ въ тактъ рѣзвого скака.... Станъ очаровательной малютки затянутъ въ цвѣтной шелкоkyй бешметъ, съ крЮчками и петельками изъ чистаго золота; на локонахъ бархатная шапочка, вся въ рѣзномъ серебрѣ. Какъ крЫико, вольно и ловко держится эта юная наѣздница на богато-оконномъ черневымъ серебромъ орчакъ! Двое провожатыхъ тдуть слѣдомъ за нею.

Вдали отъ середины аула, къ сѣверо-востоку, въ сторонѣ, виднѣется нѣсколько разбросанныхъ кибитокъ въ кочевомъ безпорядкѣ. Одна изъ нихъ отличается особенною величиною, опрятностію и многолюдствомъ: это кибитка самаго *Юсуфа*. По сторонамъ ея расположены другія, меньшія, принадлежащія близкимъ роднымъ его жены; а въ тридцати шагахъ—во всемъ блескѣ роскоши степной красуется бѣлый шатеръ, щедро обвитый и изукрашенный лентами и алымъ сукномъ, какъ кибитка богатой четы молодыхъ: это жилье кунака — *Апицаръ*, посѣтившаго на ту пору гостепріимнаго *Кәди*.

Болѣе сорока человекъ гостей съѣхалось уже въ этотъ день, по призыву, на назначенный праздникъ. По лѣвую сторону двери громадной кибитки, на коврахъ и травѣ, возсѣдали не спѣсивые посѣтителы, и между ними—самъ *Кәди*, низенькій, полный жизни и здоровья, широкоплечій старикъ лѣтъ пятидесяти или шестидесяти, умный, смѣтливый, зоркій.... Судили-рядили, по восточному обычаю, о дѣлахъ степной поли-

тики и о домашнихъ, но чинно и тихо, безъ споровъ, что доказывало уваженіе къ хозяину гостей.

Вдругъ раздалась едва слышная рысь....

— *Аль айгэрэ, Баби (Бавбэкэ)!*—произнесла звучнымъ голосомъ прелестная малютка-наѣздница, остановившись близъ собесѣдниковъ—и мигомъ спрыгнула на землю.

Тотчасъ ретивый конекъ былъ разсѣдланъ услужливымъ дядею *Бавбэкэ*—и пущенъ на волю. При первыхъ звукахъ мелодическаго голоса малютки, въ дверяхъ кибитки появилась, въ нарядной одеждѣ изъ золота и шелку, высокая, стройная женщина, нѣкогда прекрасная собою.

— *Аф!*—радостно вскрикнуло дитя—и, ласкаясь, упало въ объятія счастливой матери....

Никто, увидя въ первый разъ эту восхитительную кудрявую головку, не повѣрилъ бы, что она принадлежитъ не дѣвушкѣ-наѣздницѣ, но *Абдалль*, единственному сыну *Юсуфа-Кади*, и высокой женщины, его единственной жены....

II.

Наступило 22 Іюня. Безоблачное небо предвѣщало жаркій день. Одноаульные посѣтители спѣшили шумными толпами къ двѣнадцати-термейной (*терме* — рѣшетка) кибиткѣ *Юсуфа*. Пріѣзжіе гости, расположившіеся на ночлегъ у знакомыхъ, собирались одинъ по-одному, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, смотря по отдаленности временнаго помѣщенія. Стекались и *бакии* съ звонкими *тамдрами* и важные эфенди въ своихъ бѣлыхъ-на-бѣло чалмахъ и лучшей, праздничной одеждѣ; стекались и богачи-сибариты степные, и должностные люди—головы, старшины, *аксакалы*; сюда же торопились и бѣдняки, смиренная братія *Ира*....

Тридцать тучныхъ и рослыхъ кобылицъ, лучшихъ изъ всего косяка *Юсуфа*, давно стояли на привязи. Теперь ихъ было вдвое болѣе противъ того числа, какое пригонялось и привязывалось всѣдневно для наполненія величайшаго въ своемъ родѣ тулука, заключавашаго въ себѣ любимый степной

напитокъ—*кымызъ*. Пять человекъ занялись доеніемъ; десять зажиточныхъ семействъ обьщали присылку готоваго *кымыза*; множество домашнихъ бѣдняковъ, охотниковъ при случаѣ полакомиться на чужой счетъ, дали хозяину вѣрное слово прислуживать гостямъ, въ теченіе двухъ дней, бесплатно. По одному зову *Кади*, шесть опрятныхъ кибитокъ мгновенно передвинулись къ нему изъ разныхъ угловъ аула, и просторно заключили въ рѣшетчатыхъ стѣнахъ своихъ нахлынувшія толпы разнородныхъ варваровъ....

Всю ночь раздавались въ кибиткахъ звучныя пѣсни. Больше двухъ-сотъ слушателей ловили каждый звукъ *тамдры*, каждое слово неутомимаго пѣвца *Алла-Гула*, сына *Мухаммеда-Бакиши*, знаменитаго между своими старца-поэта, почему-то не участвовавшаго въ нынѣшнемъ празднествѣ *Кади*. Кромѣ его были здѣсь *Аджи-Муратъ* и извѣстный слѣпецъ *Сулейманъ-Бакиши*. Оба послѣдніе имѣли по незначительному кружку слушателей, по большой части стариковъ или бѣдныхъ гостей, которымъ, по тѣснотѣ, не было мѣста между нарядною знатію, окружавшею знаменитаго *Алла-Гула*. Ликующій и восторженный, онъ, казалось, забывалъ все слушающее его съ глубокимъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ. Могучее пѣніе его разносилось далеко по зарѣ и покрывало даже дикія восклицанія и говоръ многочисленныхъ сборищъ, не имѣвшихъ помѣщенія по близости пѣвца. Чародѣй этотъ то извлекалъ изъ глазъ своихъ слушателей самыя непритворныя слезы, то возбуждалъ шумные клики восторга. Я однажды, только теперь, видѣлъ эти слезы, лившіяся ручьями, невольно, изъ глазъ посѣдѣвшихъ *аджи*, *эфенди* и прочихъ почетныхъ гостей; только теперь я видѣлъ ихъ къ изумленію своему, но ни прежде, ни послѣ—никогда не видалъ я слезъ на суровыхъ лицахъ *Туркмена* или *Ногайца*....

Вотъ, между прочимъ, одна изъ мелкихъ пѣсень *Алла-Гула*, это—пѣснь *Кіоръ-Оглы*, воспѣваемаго повсюду на Востокъ, какого-то неизвѣстнаго исторіи героя (*).

(*) Переводъ этой характеристической пѣсни сдѣланъ для меня, въ числѣ многихъ другихъ, бывшимъ приставомъ Кара-Ногайскаго народа, нынѣ главнымъ

«Ворона не соловей —

Не оцѣнить запаха розъ.

Въ полѣ ходящія бѣлыя птицы (*)

Не могутъ знать, что такое озеро.

Тотъ, кто не трудился,

Кто на скатерть не клалъ пищи (**),

Кто не испыталъ трудовъ житейскихъ —

Тотъ и не знаетъ, въ чемъ заключается власть.

Давшій одно, а взявшій вдвое,

Съ словомъ добра смѣшивающій слово зла,

Достигшій знатности изъ послѣднихъ —

Какъ пойметъ онъ устройство общества?

Несовершенный въ мужествѣ,

Не плакавшій и не смѣявшійся (кстати?),

Не понимающій самого себя —

Не будетъ понимать и другихъ!

Кіоръ-Оглы, съ тѣхъ поръ, какъ явился на свѣтъ,

Не измѣнялъ своему назначенію....

Кто не выросъ въ брани,

Тотъ и не можетъ судить о храбрости!...»

Голоса и пѣсень у Туркменскихъ соловьевъ, какъ извѣстно, станеть легко не на одну сряду недѣлю. Удивительная память и непонятная организація груди и горла!

— *Чай иссы* (чай горячій)! — проговорила приветливо стройная *Мендъръ*, супруга *Кадъ*, обращаясь къ молодому кунаку — *Апицдъръ*.

— *Аллахъ-беренетъ-беръ-сенъ* (да благословить Аллахъ)! — отвѣчалъ онъ на это.

приставомъ, майоромъ *Девлетъ-Мирзою Шихалиевымъ*, которому долгомъ считаю принести искреннѣйшую благодарность, не теряя надежды на подобныя одолженія и на будущее время. *А. А.*

(*) Здѣсь, очевидно, говорится о птицахъ безъ перепонки. Восточная муза, въ порывѣ своего импровизаторскаго вдохновенія, не имѣла времени сообразить, что въ числѣ «ходящихъ по полю бѣлыхъ птицъ» могутъ быть также гуси, лебеди и другія, которыя *могутъ знать, что такое озеро*. *А. А.*

(**) То-есть: не предлагалъ угощенія для достиженія власти, какъ водится и нынѣ у Азіатцевъ. *А. А.*

Люди хлопотали, суетились, бѣжали вѣздъ и впередъ, сталкивались, шумѣли, словно пожаръ или чума были въ аулѣ. А онъ, этотъ прелестный мальчикъ, этотъ дѣвообразный Абдалла? Онъ едва понималъ, что не далѣе, какъ завтра, должна рѣшиться участь его вьющихся локоновъ, принадлежности пола инаго.... Шелковый бѣлиметъ его, сшитый пятью швеями въ одинъ день (*) изъ матеріи, подаренной богатымъ родственникомъ, давно уже красовался на домашней выставкѣ. Настала пора подарковъ всякаго рода юному виновнику праздника. Не требовали и не желали многого: каждый приносилъ, что могъ, по силамъ. Азіатскій обрядъ этотъ почтенъ былъ истинно по-европейски двумя кусками превосходной матеріи, подаренной кунакомъ—*Апицѣрзъ*; они произвели во всѣхъ зрителяхъ дикую радость. Долго подарки переходятъ изъ рукъ въ руки, долго остаются вывѣшенными на-показъ; и чѣмъ они многочисленнѣе, тѣмъ выше стоитъ хозяинъ въ мнѣніи своихъ гостей; чѣмъ они богаче, тѣмъ болѣе молвы, пересудовъ и разказовъ.

Абдалла, какъ мы сказали, единственное дитя *Юсуфа-Кăди* и его единственной жены. Рѣдкій ребенокъ этотъ, тихостию нрава, послушаніемъ и необыкновенною привязанностию къ своимъ родителямъ пріобрѣлъ такую безпредѣльную любовь ихъ, что въ наше время и между Европейцами не легко найти подобное въ этомъ отношеніи семейство. Бракъ Кăди и *Менѣрзъ*, единственной—противъ обычая кочевыхъ богачей—жены его, не смотря на желаніе этой рѣдкой и достойной уваженія четы, не принесъ ей дѣтей женскаго пола. Недостатокъ этотъ придумали замѣнить хотя на-время, отступленіемъ отъ обычая, воспрещающаго мужчинѣ носить на головѣ волосы (кромѣ одного завитнаго пучка),—и вотъ почему Абдалла, носившій до-сихъ поръ локоны дѣвушки, былъ для своихъ родителей, въ одно время, и сыномъ и дочерью....

Многіе разказывали мнѣ объ этомъ обстоятельстве иначе.

(*) Это въ обыкновеніи у степныхъ народовъ. Скорость въ приготовленіи обновъ между ними удивительна! А. А.

Утверждали, что Кăди имѣлъ уже нѣсколько дѣтей, но почти всѣ умирали въ самомъ раннемъ возрастѣ. Какъ быть, чтобы спасти хотя одного ребенка отъ ненасытной смерти? *Менаръ* была беременна. Вотъ однажды, когда наступалъ уже срокъ разрѣшенія, въ кибитку Кăди является незнакомая женщина и начинаетъ торговать у будущей матери ея ребенка. Сначала такое неслыханное предложеніе показалось родителямъ страннымъ; но, пораздумавъ нѣсколько и будучи убѣждены знахарями въ томъ, что предразсудокъ временной продажи дѣтей оказываетъ иногда спасительныя послѣдствія, они рѣшились покориться его вліянію на сохраненіе жизни ребенка.... Торгъ былъ слаженъ заблаговременно: платою должны были служить, если родится дѣвочка—одна доска (*бакшъ*), если мальчикъ—двѣ доски чаю. При такихъ условіяхъ не воспрещается родителямъ подарить что-нибудь ребенку на содержаніе. Такіе подарки служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и платою за временныя попеченія о немъ до извѣстнаго возраста, и по обыкновенію, гдѣ оно существуетъ, должны составлять всегда порядочный задатокъ.

Родился *Абдалла*. Какъ сказано, такъ и сдѣлано: продали его въ другой аулъ.... Прошло времени не мало, годъ, два и болѣе: *Абдалла* росъ и хорошѣлъ всякому на диво. Но вдругъ разнеслось въ народъ, что онъ умеръ.... Легко представить себѣ, какъ были опечалены такою вѣстью злополучные родители. Погоревали, погоревали — да и утѣшились: время сдѣлало свое.... Вотъ однажды сидѣли они вдвоемъ и вспоминали про старое горе.

— Можно войти?—послышалось въ это время за кибиткой.

— Войди,—отвѣчалъ Кăди, мгновенно принявъ на себя важный видъ служителя Аллаха и набожно произнеся вслухъ: «*Лаилагъ-иль-Аллахъ!*»

Вошла высокая женщина, закутанная съ ногъ до головы въ бѣлый прозрачный *тастаръ* (женское головное покрывало) и съ ребенкомъ въ рукахъ.

— Хотите купить?—спросила она неожиданно у супруговъ.

— Мальчикъ или дѣвочка? — спросили они оба въ одинъ голосъ.

— Угадайте!...

— Мальчикъ, — отвѣчали они опять, какъ бы согласившись....

— Такъ и быть, продамъ.... Цѣна два червонца, да, сверхъ того, сколько прибавите сами, не откажусь...

Дали два червонца, доску чаю, да разныхъ тряпокъ на женскія обновы.

— Любите его, какъ и я любила свое дитя, — промолвила потомъ гостя, а оно любить васъ будетъ, надѣюсь....

Тогда изъ-подъ раскрытаго *тастар* глазамъ изумленныхъ супруговъ представало прелестнѣйшее бѣлокурое дитя — сынъ ихъ *Абдалла*!....

Съ тѣхъ поръ ребенокъ растетъ у родителей и хорошеетъ день-отъ-дня; съ тѣхъ поръ носить онъ локоны и, какъ пріемышъ, называетъ родную мать свою нѣжнымъ, ласковымъ, мелодическимъ именемъ — «*Афа!*»

III.

Все ликовало въ аулѣ *Юсуфа-Кăди*. Самый день — 23 Іюня, казалось, былъ свѣтлѣе, веселѣе, теплѣе обыкновеннаго. Всякій торопился сбросить съ себя прежнее одѣяніе и облечься въ полныя щегольскіе и живописные свои костюмы. На всехъ появились шелковые, атласные и парчевые халаты и бешметы; заблестало серебро повсюду, гдѣ оно соответствовало средствамъ и вкусу.

Кунаки пріѣзжіе и одноаульные находились въ полномъ собраніи и съѣздѣ. Всѣхъ всадниковъ, не считая пѣшихъ пришельцевъ, было не менѣе четырехъ-сотъ.

Около полудня, кибитки мало-по-мало начинали пустѣть. Народъ, пресытившійся артистическимъ пѣніемъ и игрою неутомимыхъ бакши, спѣшилъ къ удовольствіямъ другаго рода. Скачка малютокъ на заклады происходила еще наканунѣ, вечеромъ. Теперь празднество открылось скачкою, джигитовкою пятидесяти и болѣе всадниковъ, раздѣлившихся на нѣсколько

партий. Дистанція бѣга простиралась на десять верстъ. Скакать въ-разсыпную, слома голову, безъ соблюденія необходимыхъ скаковыхъ условій, по-нашему — дѣло, не стоящее вниманія; но, по понятіямъ кочеваго туземца, и этотъ родъ скачекъ имѣетъ свою занимательность и значеніе. Призы, вызывавшіе на удалство, заключались въ серебряныхъ деньгахъ, и зависѣли совершенно отъ щедрости присутствовавшихъ богачей. Помнится, болѣе другихъ отличался въ этой скачкѣ одинъ приставскій казакъ (*дубаничикъ*, *дубанъ*) изъ туземцевъ, и остался въ значительномъ выигрышѣ. Туркмены въ искусствѣ наѣздничества—сказать не обинуясь—далеко уступаютъ Ногайцамъ, обитающимъ въ при-Пятигорскихъ аулахъ, Каласо-Саблинскимъ и Бештау-Кумскимъ. Но объ этомъ предметѣ мы будемъ говорить въ другое время.

Не входя въ описаніе всѣхъ игръ, сопровождавшихъ домашнее празднество *Юсуфа-Кади*, расскажемъ здѣсь только то, что, по нашему мнѣнію, отличается, своею замѣчательною особенностію, своимъ оригинальнымъ характеромъ. Говоримъ о единоборствѣ силачей-охотниковъ.

Въ 4 часа по-полудни, когда безоблачное солнце, нестерпимо палившее своими знойными іюньскими лучами, начинало склоняться къ западу, всѣ разъединенныя выборомъ зрѣлищъ толпы стали сосредоточиваться въ одно мѣсто, на гладкую поляну, находившуюся позади кибитки *Юсуфа*. Большая часть всадниковъ спѣшилась, образовавъ своими густыми рядами широкій кругъ, состоявшій изъ представителей двухъ родовъ: *Чоудыръ* и *Игдыръ*; не доставало третьяго рода Туркменъ, *Сёюнжид-джи* (правильнѣе—*Сёюнъ-Аджи*), кочевавшего въ то время гораздо дальше. На западной сторонѣ круга на первой линіи арены, помѣстились на цвѣтныхъ коврахъ, самые почетнѣшніе богачи и достойные чалмоносцы — эфенди и аджи (меккскіе поклонники) обоихъ родовъ, числомъ до шестидесяти; на юго-восточной—расположились бойцы *Чоудырскіе*; на сѣверо-восточной—ихъ *Игдырскіе* противники, окруженные своими. На южной сторонѣ находился возсѣдавшій на складномъ креслѣ кунакъ—*Апицѣръ*, а рядомъ съ нимъ, на травѣ—самъ *Кади* и юный *Абдалла*.

Больше сорока всадниковъ избраны были съ обѣихъ сторонъ, чтобы блюсти порядокъ и тишину. Сонму духовенства, повсюду занимающему патриархальное мѣсто уваженія, принадлежало обычное право и честь произносить роковые приговоры, рѣшающіе счастливое имя побѣдителя. По законамъ туркменскихъ понятій о борьбѣ, нужно только упасть одному, чтобы побѣда тотчасъ же провозглашена была удѣломъ другого. Упасть, по понятіямъ народнымъ, значить — быть побѣжденнымъ; не принимается въ уваженіе, если боецъ упадетъ, запнувшись за что-либо или поскользнувшись: онъ все равно побѣжденъ. Вотъ почему воину необходимо держаться на ногахъ до послѣдней крайности; иначе — вѣчный позоръ неизбѣженъ.

Двое прислужниковъ внесли маленькій треножный столикъ (у Ногайцевъ — *сапрà*) и съ подобающею важностію поставили его предъ толпою судей-эфендіевъ: на столикъ поставили большую деревянную чашку, наполненную мелко-наръзанными кусочками жареной баранины и такими же кусочками мязни отъ перетопленнаго бараньяго сала. Каждый изъ бойцевъ, приготовляясь выступить на скользное поприще борьбы, долженъ былъ съѣсть нѣсколько кусочковъ, вѣроятно, по Азіатскому обыкновенію, въ знакъ незлобія и мира. Знатокъ силы и ловкости избранныхъ для состязанія бойцевъ, тоже совѣщались между собою о томъ, на кого должна была пасть изъ нихъ первая боязливая доля.... Обѣ стороны долго думали объ этомъ важномъ предметѣ, пока не раздался ропотъ всеобщаго ожиданія и нетерпѣнія. Выборъ палъ....

Въ то же мгновеніе великанъ, завернутый съ головы до ногъ въ бѣлую простыню, былъ медленно, тихо, выведенъ на средину арены. Онъ остановился и съ минуту стоялъ неподвижно, какъ-бы желая освоиться съ новостью своего положенія. Всѣ взоры устремились на него: всѣ старались угадать, кто онъ, и, жарко споря между собою, ошибались. Многіе требовали ускоренія развязки; но флегматическій, неповоротливый проводникъ все еще медлилъ, желая, казалось, возбудить большее любопытство зрителей. Наконецъ, онъ

взялъ исполина подъ руку, и, по-прежнему, тихо, лѣнивымъ шагомъ подвелъ его къ судьямъ, предъ которыми туркменскій Голиафъ, не открывая своего таинственнаго вида, почтительно опустился на одно колено. Тогда нѣсколько словъ, произнесенныхъ вполголоса старѣйшимъ изъ эфендіевъ, съ длинною серебряною бородою, и, вѣроятно, заключавшихъ въ себѣ краткую молитву и благословеніе—дали знакъ, по которому боецъ поднялся на ноги не менѣе почтительно, подошелъ къ столу, взялъ нѣсколько кусковъ баранины, и съѣлъ ихъ подъ простынею; потомъ обратясь къ судьямъ, приложилъ правую руку къ своей груди—и возвратился на средину круга объ-руку съ представлявшимъ его проводникомъ....

Этотъ боецъ былъ изъ рода *Чоудыръ*.

Сильно и глубоко поражены были этою нѣмою сценою *Игдырскіе* знатоки. Ростъ избраннаго противною партіей бойца изумлялъ ихъ и приводилъ въ нерѣшимость. Прошло четверть часа.... Ожидавшій соперника великанъ начиналъ бить ногою тактъ отъ скуки и нетерпѣнія. Еще нѣсколько мгновеній—и родъ *Игдыровъ* былъ-бы непременно заклеименъ единодушнымъ и страшнымъ для всякаго названіемъ — *трусовъ*!... Но онъ не допустилъ себя до такого ужаснаго, торжественнаго посрамленія, и, съ ропотомъ разхлынувъ направо и налѣво, далъ дорогу представителю, ведущему съ собою бойца, окутаннаго, подобно *Чоудырскому*, бѣлою простынею. Этотъ былъ хотя, по-видимому, и средняго роста, но плотнаго, крѣпкаго сложенія. Твердою поступью приблизился онъ къ мѣсту представленія, опустился; какъ и прежній, на одно колено, получилъ благосклонное разрѣшеніе, съѣлъ нѣсколько кусочковъ сала, приложилъ правую руку къ груди—и возвратился на мѣсто, гдѣ былъ его проводникъ ...

До этой минуты они еще не замѣчали другъ друга, и ни тотъ, ни другой не зналъ, съ кѣмъ придется ему имѣть дѣло, —какъ вдругъ быстро сорванныя съ нихъ проводниками простыни совершенно обнажили предъ зрителями атлетическія формы обоихъ, обличавшія несокрушимую крѣпость и силу....

Кому не случалось видѣть, какъ встрѣчаются два хищные

звѣря, рѣшившіеся растерзать одинъ другаго, тотъ едва-ли, не бывъ очевидцемъ, можетъ представить себѣ всю ярость и ненависть туркменскихъ бойцевъ, это невыразимое остервененіе и обоюдную жажду уничтоженія противника предъ лицомъ родныхъ, знакомыхъ, друзей!—Колоссальный ростъ одного и его прочныя, мощныя члены, казалось, слиты были изъ мѣди; ширина плечъ и груди обѣщали силу и здоровье огромнаго вола. При этомъ рѣдкая пропорціональность формъ исполнина до того была прекрасна, что зритель съ трудомъ могъ оторвать взоръ свой отъ этого страшнаго человѣка. Противникъ его едва только могъ равняться ему до плеча; но за то ужъ какъ былъ онъ мускулистъ и крѣпокъ, какъ удивительно ловокъ и живъ, какъ отличался стройностью стана, нѣжностію пріятнаго не-азиатскаго лица и бѣлизною кожи!... Премесь и заглядѣнье!

Въ воздухѣ завѣяли платки; но нигдѣ ни звука, ни шелеста, ни шопота: все безмолствовало, притаивъ дыханіе и обратившись въ напряженное зрѣніе. Торжественна была эта минута, когда противники, въ нѣсколькихъ шагахъ, измѣряли взорами другъ друга! Насмѣшливый великанъ улыбался надменно, заранее увѣренный въ несомнѣнной побѣдѣ; но прекрасное, увлекательное лице его противника, ставшаго въ граціозную позу и спокойно сложившаго на высокой груди свои бѣлыя руки, выражало надежду и отважность. Свѣтъ и вѣтеръ раздѣлены были по-ровну между обоими; перевязи, прикрывавшія среднія части тѣла и состоявшія изъ весьма искусно подобранныхъ внутри *станъ*, представляли какъ тому, такъ и другому, одинаковыя удобства въ борьбѣ и нападеніи....

Съ быстротою и легкостію серны красивый *Игдырецъ* первый измѣнилъ свою граціозную позу, и сдѣлавъ первое нападеніе, какъ эластическій шаръ эфирно отпрыгнувъ далеко въ сторону отъ бросающагося на него въ то же мгновеніе исполнина. Завязалась рѣзвая, забавная, безконечная игра кошки съ мышью, игра, начинавшаяся нѣсколько разъ и всегда оканчивавшаяся необыкновенными антрша и воздушною ловкостію

одного, удачно и непостижимо избѣгавшаго яростныхъ усилій другаго, тщетно старавшагося схватить на-лету свою жертву. Здѣсь, какъ и всегда, въ этотъ періодъ борьбы, перевѣсъ былъ на сторонѣ хладнокровія и проворства. Мудрено пересказать, съ какимъ рѣдкимъ, невиданнымъ искусствомъ была введена эта бышняя игра, раздражившая мощнаго силача до послѣдней степени остервенѣнія, и—напротивъ—все болѣе и болѣе занимавшая его веселаго, неустоимаго противника, который со всякимъ прыжкомъ становился все легче и легче, отважнѣе и живѣе. То подкрадывался онъ къ противнику на самое ближайшее разстояніе, съ быстротою молніи забѣгая сзади, или дразнилъ его почти предъ самыми глазами; то вихремъ кружился около него, катался колесомъ, становился на руки вверхъ ногами—и неуловимо ускользалъ, замѣтивъ малѣйшее невыгодное движеніе разсвирѣпѣвшаго непріятеля; то дѣлалъ онъ изумительныя прыжки черезъ голову, безвредно становясь на землю, какъ ни въ чемъ и не бывалъ; то иногда покушался даже прыгнуть на плечо великана, и, перекувырнувшись на воздухъ, катился потѣмъ опять черезъ голову, какъ шаръ.

Но вотъ вы едва замѣтили, какъ они столкнулись, едва замѣтили, какъ сплелись они рука съ рукою, свились клубомъ, какъ змѣи.... и понеслись!... Уже ничто не въ состояніи было ихъ разнять, ничто не могло остановить этой варварской борьбы и ожесточенія: и то и другое лице, теперь равно было ожесточено злобою и гнѣвомъ. Какъ голодные волки рвутъ свою добычу, такъ два бойца—Туркмена рвали другъ друга желѣзными руками, вихремъ кружась по аренѣ. Напряженные члены и кровью налившіеся глаза ихъ, казалось, готовы были поминутно лопнуть; конвульсивно сжатые губы, покрытыя кровавою пѣною и потѣмъ, шептали проклятія. То они готовы были оба рухнуть на землю; то высоко взбрасывали одинъ-другаго на воздухъ, не выпуская изъ рукъ; то тяжело, судорожно падали на колѣна, стараясь изломать за-мертво стиснутые члены; то снова становились на ноги, снова начинали безконечную борьбу—и снова кружились, снова неслись въ сумасшедшемъ остервенѣніи. Любо и трепетно

было смотреть на это бышенство! Можно было положительно сказать, что здѣсь дѣло шло скорѣе о смерти, нежели о жизни.... Слышно было даже, какъ трещали вывертываемыя руки и ноги—и каждый изъ зрителей легко предвидѣлъ, что, безъ внимательства стражи, обезумѣвшіе бойцы оба должны были остаться на-мѣсть до грозной трубы Азраэля....

Между тѣмъ, къ общему изумленію, совершенно неожиданнѣйшій оборотъ приняла эта дикая пытка силы и искусства. Въ самое рѣшительное мгновеніе, когда только-что собравшій всѣ свои силы исполнитель готовился сломать или раздавить своего противника, тотъ счастливо успѣлъ высвободиться изъ удручавшихъ его объятій, сдѣлалъ легкое движеніе впередъ, потѣмъ съ непостижимымъ проворствомъ перекинулся назадъ—и громадный *Чоудырскій* колоссъ, словно чудомъ поднятый на воздухъ, стремглавъ полетѣлъ чрезъ его голову, и въ двухъ саженьяхъ всею тяжестью тѣла ударился о землю.... Дикая кошка на похитителя дѣтей своихъ, или только испуганная внезапнымъ шорохомъ бѣлка—можетъ прыгнуть такъ, какъ прыгнулъ на него побѣдитель!...

Яростно заволновались ряды гостей-черни. Одни торопились удержать побѣду за *Игдырцемъ*; другіе—сбросить, измѣять, раздавить торжествующаго бойца-непріятеля. Все закипѣло буйствомъ и бранью. Навѣзники смѣшались съ пѣшими зрителями, и малочисленной стражѣ весьма трудно было удержать бѣснующееся невѣжество въ границахъ прежняго порядка. Только громкія увѣщанія самого *Юсуфа-Кади* могли утишить волненіе. Одни торжествовали побѣду, другіе пылали ненавистью и мщеніемъ. Бойцы были уведены каждый въ свою сторону, а имя одержавшаго верхъ огласилось въ воздухъ воплями и радостными кликами нѣсколькихъ сотъ человѣкъ!...

За первую парую слѣдовали другая, третья и т. д., до двѣнадцати. Каждая пара бойцевъ выходила на арену тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и первая, и отличалась тѣмъ же, а иногда еще и большимъ звѣрствомъ и безпощадностью, пока кто-либо изъ бывшихъ не оставался побѣдителемъ. Многимъ изъ любителей правилась «лежачая борьба», происходившая у двухъ или трехъ паръ. На нашъ взглядъ—ни

что не может быть ужаснѣе этого боя. Ожесточеніе въ борьбѣ этой достигаетъ иногда съ обѣихъ сторонъ до того, что противники, въ забытіи и изступленіи, рвутъ другъ-друга зубами и ногтями, или, въ припадкѣ величайшаго бѣшенства и безсилія, грызутъ землю и вырываютъ руками огромные куски дерна! Въ такихъ крайнихъ случаяхъ присутствующіе спѣшатъ ихъ рознять; но, бывали случаи, рассказываютъ, что рознятые бойцы вымѣщали неудовлетворенную злобу свою на миротворителяхъ, какъ смогли, не имѣя права и возможности продолжать прерванную битву. Иногда, случается, побѣжденный боецъ по чувству-ли самоохраненія, или будучи трусливѣе своего противника, если удастся, катится по аренѣ въ забавное бѣгство.... Лежащая борьба, сколько можно судить о ней по двумъ-тремъ примѣрамъ, требуетъ невѣроятной ловкости и силы: здѣсь уже нѣтъ никакой надежды ни на быстоту ногъ, ни на случайности, прерывающія часто гимнастическія упражненія удалцовъ въ самомъ началѣ.

Послѣ борьбы, заключившей собою всѣ игры, кругъ зрителей сдвинулся тѣснѣе. *Юсуфъ-Киди* ввелъ въ него за одну руку жену свою, съ невообразимою щедростію украшенную золотомъ (*), и маленькаго *Абдаллу*, безсознательно и кротко озиравашагося на сжатые массы гостей. Въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ произнесъ *Юсуфъ* рѣчь свою къ духовенству и народу, объяснилъ въ ней свои домашнія обстоятельства, и, коснувшись слегка свершенія извѣстнаго числа лѣтъ *Абдаллѣ*, замѣнявшему до тѣхъ поръ сына и дочь, объявилъ, что теперь, по этому случаю, онъ охотно и съ радостію готовъ пожертвовать имъ на служеніе Аллаху, начавъ съ обученія дитяти, какъ заведено, священнымъ книгамъ и письму. Горькими слезами окончилъ онъ свои слова; тоскливая *Менаръ* отвѣчала ему неутѣшнымъ рыданіемъ, трогавшимъ душу.... *Абдалла* едва-ли понималъ, что онъ одинъ причиною всего этого горя, и самъ плакалъ, глотая

(*) Бѣлый канѣусовый *тастѣръ* ея былъ въ нѣсколько рядовъ обшитъ по всѣмъ краямъ золотыми монетами, не говоря уже о другихъ частяхъ щегольскаго—по туркменскимъ понятіямъ—наряда. Все на ней блистало золотомъ, парчею и шелкомъ!

свои слезы.... Тогда старѣйшій изъ ефендіевъ на рѣчь *Юсуфа* отвѣчалъ утѣшительною, не менѣе сильною и вразумительною рѣчью. Народъ, не за-долго предъ тѣмъ жаждавшій варварскихъ зрѣлищъ, жался теперь, ловя каждое слово; многіе плакали. Трогательно была эта сцена, рѣшившая на всегда участь роскошныхъ волосъ *Абдаллы*!

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ угощеніи. Оно, какъ требуютъ обычаи, состояло изъ конскаго и бараньяго мяса, приготовленнаго еще на-канунъ. Приготовление состоитъ въ томъ, что сварятъ, что слѣдуетъ, въ котлѣ, безъ всякой приправы, изрѣжутъ мелко-на-мелко—и дѣло съ концемъ. Сначала чинными рядами расположились было на мягкой муравѣ проголодавшіеся гости, предъ которыми, по распоряженію хозяина, немедленно очутились цѣлыя батареи деревянныхъ чашекъ съ *бишъ-бармакомъ*. Пока все еще шло благополучно, и одинъ разъ даже совершенно счастливо удалось прислуживавшимъ обнести первые ряды; но, послѣ того, вполонину насыщенные гости заблагоразсудили подняться на ноги и, при первомъ появленіи второй порціи, отважно броситься на похищеніе.... Началась страшная свалка. Кулакъ и плеть дѣйствовали дружно, повсюду отбивая аппетитную добычу и сбивая съ ногъ все, рѣшавшееся на опасное сопротивленіе. Малочисленная прислуга, видя буйный напоръ толпы и получая, не вѣдомо за что, щедро сыпавшіеся отвсюду полновѣсные удары и толчки, пустилась со всѣхъ ногъ въ благоразумное бѣгство.... Это голодное сумасшествіе свирѣпствовало до тѣхъ поръ, пока все на-чисто было опорожнено, пока груды брошенныхъ чашекъ не напомнили бѣснующимся, что обѣдъ былъ окончательно съѣденъ. Такъ заключились на этотъ разъ—вѣжливость и обжорство!

Послѣ обѣда, гости, какъ водится, выкурили по трубкѣ табаку, при чемъ почетные выпили по чашкѣ кымызу, и потомъ, не поблагодаривъ даже хозяина за приглашеніе и пріемъ, съли на коней,—а чрезъ пять минутъ были уже далеко, джигиты въ разсыпную....

Агавангелъ Архиповъ.